

Сэм Данн

ГЛОБАЛЬНЫЙ МЕТАЛЛ (GLOBAL METAL)

2008, выдержки Дятлова Н. С., 2013

Есть люди с интенсивным духовным запросом. Наверное, он есть у каждого, но есть очень четко выраженные... Если этот духовный запрос соединен со средней жизнеспособностью, т.е. человек может, не реализуя запрос, жить... Он может жить... Если не может — он вешается, и всё кончается, — а вот если он может жить и ему нужен этот запрос, то через какое-то время, в условиях, когда этот духовный запрос не реализуется, у него наступает такой... У пигмеев в Центральное Африке, у каких-нибудь аборигенов в Бразилии — спросите у каждого, «где находится душа?». Каждый тебе скажет — вот [показывает в центр груди — Н.Д.]. Никто не скажет «в пятке», здесь [показывает на голову — Н.Д.]... Вот здесь, примерно в этом месте, физически, сначала образуется трещина, потом дырка, и она начинает сосать. Это сосущая, тянущая боль. Она сильнее, чем зубная. <...> Она ощущается как необходимость заполнения. Заполнить это материальными благами невозможно. Тёмных заполнений — бесконечное количество. Светом это заполнить очень трудно. Религия, которая должна бы была это делать (православие и всё такое) — она этого не делает. Потому что это требует... Если от религии, то мистического заполнения, — а это удел, там, отдельных старцев, это не «масса». Значит, религия не даёт здесь помощи. А вся Тьма — готова.

*И никто не будет, там, насиловать этих девок или спаивать парней. Их начнут насыщать. Сначала, на тёмном роке, каком-нибудь металле — но с каким-нибудь обязательно оккультным дополнением («Антихрист есть, он рядом здесь...»). Тезис будет один: ты мне нужна, ты никому не нужна, папе-маме не нужна, друзьям не нужна, стране не нужна — ты **мне** нужна. Вот на этом «ты мне нужна» — это пойдёт. В виде какого-нибудь тёмного переживания это сюда [показывает на грудь — Н.Д.] засядет, боль утихнет. Через какой-то момент она станет ещё острее — нужно будет крецендо, усиление... Так постепенно это заполняется Тьмой.*

Скот не будет заполняться Тьмой — у него нет этой пустоты. Он живёт, у него витальности много — он живёт, а потом умирает. А эти не могут... Борьба идёт за то, будет ли светлое наполнение. Если светлое наполнение будет — для этого контингента, — он не опаскудится, ему всё остальное не так нужно.

Сергей Кургинян

1. **Карлос Лопес** (Dorsal Atlântica): В 70-е годы в Бразилии была диктатура, продолжавшаяся около 25 лет. При этой диктатуре у нас не было свободы, и большая часть информации была недоступна.
2. **Рафаэль Биттенкурт** (Angra): В этот период, когда мы были ещё подростками, было очень трудно найти хорошие инструменты. У нас не было того, что было за границей.
3. **Карлос Лопес** (Dorsal Atlântica): Бразильская диктатура закончилась в 85-м году. В этот момент местные бразильские группы начали играть настоящий тяжёлый металл — Heavy Metal. Это значит, что к нам также прибыл метал вместе с демократией.
4. [Идут кадры Scorpions «Rock In Rio» (1985)].
5. **Карлос Лопес** (Dorsal Atlântica): Сегодня вам может показаться забавным желание увидеть группу Whitesnake... Это немного смешно, но увидеть Whitesnake, Ozzy Osbourne, Scorpions и Iron Maiden было очень необычным для бразильцев в 85-м году.
6. **Рафаэль Биттенкурт** (Angra): Я бы не сказал, что метал пришёл «освободить» нас, но он был тем, о чём мы мечтали. Мы мечтали почувствовать эту атмосферу свободы слова, свободу общения между людьми.

7. **Карлос Лопес** (Dorsal Atlântica): Казалось, что мы были частью чего-то большего, чем просто «мы». Мы чувствовали себя частью большой семьи, религии. Люди стали понимать, что эта музыка может стать саундтреком к становлению Бразилии как свободной страны.
8. **Макс Кавалера** (Sepultura): Это была борьба [начинать играть экстремальный металл] в Бразилии. В-первых, борьба с тем, что мы не умели играть, но мы хотели играть в группе. Потом у нас не было денег, но мы всё равно страстно желали играть в группе. Но деньги всегда можно как-нибудь достать — это не проблема. Даже свой стиль мы придумывали и улучшали сами.
9. **Эрик Де Хаас** (Rock Hard Brazil): Подростки ассоциируют себя с ними [Sepultura], потому что они были бедными, они начинали с нуля. Они просто хотели играть метал и собирались зарабатывать им на жизнь.
10. **Макс Кавалера** (Sepultura): Мы не понимали, почему должны копировать американский стиль музыки. Я думаю, что копирование чего-то — это отстой. Потому что я не считаю, что мы должны подражать Штатам, ведь у нас есть свой собственный стиль.
11. Японцы помешаны на Западной культуре, также Япония известна своей консервативностью, сложными правилами. Ничего из этого мне не кажется близким к металлу. Что же происходит с мятежным духом метала, когда он смешивается с культурой Японии?
12. **Миса Ито** (Rock City TV): Я думаю, что образ мышления японских метал-фанов отличается от образа мышления западных фанов. Например, если вы спросите, выражает ли метал у них чувства «притеснения», «неудовлетворения», — многие из них ответят «нет». На Западе, если вы ищете мятежа или чувствуете себя изгоем общества, вы будете тянуться метал-музыке. В Японии всё по-другому.
13. **Кацуя Минамида** (Университет Кобе): Например, фанаты на рок-фестивалях очень вежливы и учтивы. Если они бросят мусор, позже они подберут его. Возможно даже, принесут к себе домой. Если ты фан метала, ты должен поддерживать свой демонический образ: в течение концерта ты «демоничен» и зол, — но после концерта ты опять вежливый и учтивый.
14. **Нолан Льюис** (Kryptos): Есть мнение, что мы противостояли системе, противостояли морали общества, у нас свой образ мышления, свой образ жизни, мы все следуем своим путём в жизни. Потому что общество диктует, что делать, кем ты будешь, кем будешь работать, на ком ты женишься и всё это дерьмо...
15. **Амант Дживеди** (Prakalp): Мы, как группа, исповедуем религию под названием «музыка». Я по национальности — индус, кто-то — христианин, кто-то — мусульманин по вероисповеданию. То есть, все люди исповедуют разную религию, но это не преграда для того, чтобы творить музыку. Музыка — это целая вселенная. Музыка — один язык. Это как небо над нами. Она одна для всех.
16. Эта страна [Индия] проходит массивные изменения. Мои новые индийские «металлические» друзья — часть появляющегося среднего класса. Для них металл — способ соединиться с глобальной культурой, вырваться на свободу из ограничений, которые они чувствуют в их традиционном обществе. Индия — единственная страна в этой части мира, в которой проходят огромные изменения.
17. Китай всё больше и больше открывается Западу, но правительство всё ещё держит жёсткий контроль над официально разрешенной музыкой и культурой в стране.
18. **Вань Цяо** (666 Rock Shop): В прошлом китайская молодёжь слушала родителей и учителей. Мы принимали то, что нам говорят. У нас не было своего независимого мнения, у нас не было свободы слова. Посредством музыки мы смогли начать выражать себя и делать то, что пожелаем, не заботясь о том, что подумают окружающие.
19. **Янь Ю** (Painkiller Magazine): Старшее поколение, включая моих родителей, получили традиционное китайское образование, которое основано на конфуцианстве и коммунизме. Китайские родители не знают, что делать со своим ребёнком, который хочет отрастить длинные волосы, сделать татуировку, научиться играть на гитаре.
20. [Китай, вроде как, «открылся» в 1993 году, когда и появилась музыкальная школа MIDI Music School].

21. **Kaiser Kuo**: К началу 94-го года вся музыка, что приходила в Китай, была в каком-то роде уникальна. Её можно было найти у студентов, детей дипломатов, детей глав транснациональных корпораций... Делались и распространялись копии записей.
22. **Nong Yong (Ritual Day)**: Мои эмоции не очень обычные. Всякий раз, когда меня испытывает судьба, я чувствую себя очень тёмным. Как я выражаю свои тёмные эмоции? Я использую метал-музыку.
23. **Zhang Fan** (директор MIDI Music School): Самое важное в метале — это то, что он для молодёжи является способом выражения эмоций напрямую и откровенно. Таким путём они выражают свою ненависть и другие чувства. Я вырос в самом конце китайской Культурной революции. В детстве, если у мальчишек возникала неприязнь друг к другу, то они собирались перед воротами школы и жестоко дрались. Поэтому я считаю, что метал помог китайскому правительству решить ряд социальных проблем. Потому что молодёжь может выразить свои ненависть и эмоции через метал. В музыке китайских метал-групп отражается тема беззакония, политической неадекватности и коррупции в правительстве. Также он отражает низкий уровень жизни, нищету и нечестное обращение с людьми.
24. **Kaiser Kuo**: Я думаю, что сейчас пришло то самое время, когда Китай нашёл свою опору. Он стал независимым и современным. Но китайский народ не забыл свои традиции. Это движение вперёд, и я хочу быть частью этого движения.
25. **Макс Кавалера (Sepultura)**: Я думаю, все эти вещи, связанные с Бразилией, откуда я родом [?], поднимают лирику о странах третьего мира. Потому что это грязная лирика. Я пою о том, каково было расти на этих сраных улицах и в подобном дерьме. Индонезийские фанаты читают что-то из этой лирики и чувствуют сближение.
26. **Макс Кавалера (Sepultura)**: У ребят бразильских и ребят в Восточной Европе — много общего: мятеж, озлобленность. Они очень озлоблены на жизнь и на всё это дерьмо. Они обязаны жить в этой куче говна и им, наверное, суждено умереть там. Ты в растерянности, ты не знаешь, что делать... И тут приходит метал.
27. **Ларс Ульрих (Metallica)**: Когда мы ехали на этот концерт [Джакарта, Индонезия, 1993], мы видели просто дохрена людей снаружи. Стадион был в части Джакарты, где жили политики, элита и прочие богатые люди. Там были тысячи детишек, подростков — очень озлобленных. Metallica выступала и смотрела на стадион. Мы видели, как множество людей не смогло попасть на концерт и всё в таком духе. Всюду ездил скорая помощь...
28. **Венди Путранто (Rolling Stone Indonesia)**: После концерта Metallica они запретили все метал-концерты, были запрещены все рок-концерты, даже [не]мировых рок-звёзд. Они обосновывали это тем, что такая музыка наносит удар по индонезийской молодёжи. В общем, позже была массовая демонстрация — совсем недавно, в 1998 году, — главная революция при поддержке студенческого движения, в результате которой диктаторский режим закончился.
29. **Франки Раден (профессор)**: Когда диктатура пала, люди освободили всю энергию, которая у них накопилась за это время, в которое они не могли по-настоящему выразить себя. Люди наконец-то освободились от этого давления. Всё-таки, 52 года — не такой уж и короткий срок, знаете ли. Теперь я мог делать всё, что хотел.
30. **Ombat Nasution (Tengkorak)**: В нашей музыке имеется тема о несогласии с капиталистическими странами. Потому что они загоняют страны третьего мира в угол. Как ты знаешь, большинство индонезийцев — мусульмане. Поэтому поговаривают, что мы — террористическая страна. Но мы не согласны с этим заявлением и не уважаем тех, кто так говорит. У большинства песен — социально-политическая подоплёка. Одна из песен называется «Уничтожить сионизм!». Сионизм — это система, которую создали евреи. Это очень плохая система, потому что цель её — уничтожить ислам, всех людей, которые исповедуют ислам. Сионисты должны быть уничтожены, они не должны существовать. Если потребуется, Израиль нужно стереть с карты. <...> Но мы не против еврейского народа, только против их системы.
31. **Венди Путранто (Rolling Stone Indonesia)**: Правые политики и религиозные лидеры учат индонезийцев исламскому пути. Я был урождён в исламе, но больше я не верю этой религии.

- Потому что для меня религия — это личное дело каждого. Религия — это только твоё собственное дело, только между тобой и Богом.
32. В метал-музыке всегда были противоречия. Она всегда бунтовала против авторитета, протестовала против навязывания религии.
 33. Хотя Slayer — не нацистская группа, существуют несколько команд, которые продвигают нацистские идеи. Варг Викернес (также известный как Граф Гришнак) был заключён в тюрьму за поджог церкви и убийство в Норвегии. Известен своими фашистскими и расистскими идеями. Я был удивлён найти информацию о том, что группа Salem [Израиль] имела некоторое отношение к этой истории.
 34. **Yishai Sweartz** (Raven Music): Варгу было 19, а Salem только выпустило демо «Миллион убитых» (Millions Slaughtered). Это было время, когда продавались кассеты, а норвежская блэк-метал сцена только появилась.
 35. **Нир Накав** (Salem): Мы отправили Гришнаку свою запись. Заголовок песни «Миллион убитых» говорил о Холокосте, поэтому будучи тем, кем он был, он [Гришнак] написал нам ответ, что *«музыка прекрасна, но лирика глупая: очень плохо, что Гитлер не завершил свою работу, которую начал; может быть, Саддам покончит с вами»*. Но опять же — это была не только лирика, которую мы написали, — это часть нас. Поэтому понятно, что мы очень разозлились. Гришнак получил очень злой ответ. В письме было много мата, я не думаю, что мне следует это здесь повторять. Несколькими месяцами позже в дверь к лидеру группы [Salem] постучалась полиция: *«Кто ненавидит вас в Норвегии? К вам пришла бомба по почте»*.
 36. **Коби Фархи** (Orphaned Land): Если бы мы пели о тьме, мы ничего бы не добились — тьма повсюду в этом мире. Поэтому, я думаю, мы должны петь о свете.
 37. **Армин** (фанат, Иран): Они считают метал аморальным, они говорят, что эта музыка слишком возбуждает, что не очень хорошо вписывается в понятия ислама о музыке.
 38. Во многих местах на Среднем Востоке из-за консервативности правительства и религиозных правил метал запрещён, за него наказывают. Но город [?] Дубай надеется полностью оставаться открытым ко всему западному. Дубай становится самым посещаемым местом туристов во всём мире.
 39. **Омар Абдула** (фанат, Дубай): Что ты подразумеваешь под «глобализацией»? Я знаю, что полторы тысячи лет назад множество людей с Востока, в Тёмные Века, перекочевали на Запад, и я думаю, что это просто круговорот. Вы, парни, изобрели что-то новое? О'кей, мы используем эту новинку. О, это классный инструмент, сделанный там-то и там-то? Давай-ка используем его в этой песне [имеется ввиду этнический инструмент]. В Индии есть народные инструменты? Давайте добавим их. Я не считаю, что это плохая идея, когда это происходит естественно, но если ты говоришь об МВФ или Всемирном банке, вот тут мы готовы поспорить.
 40. **Амид** (музыкант, Саудовская Аравия): Мы слушаем металл и чувствуем, что он разговаривает с нами. Он говорит о наших проблемах, войнах, агрессии. Это наш шанс освободить эту скрытую злость в позитивном ключе. Поэтому мы не выражаем агрессию через плохие поступки.
 41. **Али** (музыкант, Иран): Это наш шанс быть вместе и наслаждаться временем, свободным от политического дерьма вокруг. Поэтому металл более чем важен. На уровне чувств... Да, на уровне чувств.
 42. **Брюс Дикинсон** (Iron Maiden): *Вы удивлены, что ваша музыка объединяет людей таких разных культур из разных стран?* Наверное, я должен быть удивлён... Но после нескольких лет путешествия по миру... Дети — это дети. Не важно, откуда ты. К какой культуре, к какому бы обществу ты не принадлежал, наша музыка заставляет встать и орать... Я думаю, что мы делаем саундтрек к вашей жизни.
 43. Эти люди не просто поглощают металл с Запада, они переделывают его, так как в их традиционной культуре металл не распространён. Он изменяет общество изнутри. Для металлистов со всего мира металл — больше, чем музыка, больше, чем самовыражение. Металл — это свобода. Вместе мы теперь — всемирное братство.

Конец текста